

ВРЕМЯ НЕЛЮБВИ

ЛЮДМИЛА МИЛОВАЦКАЯ

Людмила Алексеевна Миловацкая

Время нелюбви. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11953014

ISBN 9785447424527

Аннотация

Новая книга прозаика Людмилы Миловацкой является продолжением ее романа «Накануне эры Водолея». Героям нового романа выпало жить в постперестроичный период. Остаться самим собой, не предать свои идеалы в эпоху перемен – нелегкое испытание для любого человека. Нашим героям, хоть и не без потерь, удалось справиться с вызовами странного времени. Остались ли они прежними? Что приобретено и что безвозвратно утрачено? На этот вопрос каждый отвечает по-своему.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	45
Глава 8	55
Глава 9	60
Глава 10	67
Глава 11	70
Глава 12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Время нелюбви

Книга 2

**Людмила Алексеевна
Миловацкая**

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Людмила Алексеевна Миловацкая, 2018

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-2452-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

«Да прилепится жена к мужу», – дважды нараспев повторила Елена.

– Ты чего? – с удивлением посмотрела на нее Ирина: подруга уже в который раз за сегодня вспоминала эту сакральную фразу.

– Господи, почему мы росли, пренебрегая такими простыми истинами! Скольких бед, скольких ошибок можно было бы избежать!

– Возможно, жить, опираясь на опыт тысячелетий, религиозный опыт в том числе, намного проще, – не очень уверенно начала Ирина. – Но согласись, даже в этой четкой системе координат последнее решение остается за человеком. Что, не бывало разводов в царской России? Или не блудили, не воровали в прежние времена?

– Все это, разумеется, было. В любой стране, в любое время существует асоциально настроенная группа людей, в процентном отношении эта величина примерно постоянна. Сейчас же это количество превзошло все мыслимые и немыслимые размеры и давно переросло в качество. По существу, мы на пороге рождения не только нового социума, но и нового этноса.

– Ну, это ты хватила! Этнос – категория глобальных масштабов. Несколько лет для истории – тьфу!

– Не знаю, не знаю... А по-моему, то, что происходит на наших глазах, – это скрытая, небольшевистская революция. Та же стремительность, беспощадность и бесповоротность: «весь мир насилья мы разрушим до основания...». Вспомни историю революций – хоть нашу, хоть французскую. Кто в них был прав, кто виноват, кто кого победил – не важно. Главное, их последствия всегда одинаково необратимы. Вне зависимости от длительности революционных потрясений происходит неизбежное – смена формаций людей.

– Так, может, это хорошо! Как говорится: здравствуй, племя молодое, незнакомое.

– Молодое, незнакомое – да! Но лучшее ли? – Опустив лицо на сложенные под подбородком руки, Елена ненадолго задумалась. – Знаешь, недавно перечитывала «Тихий Дон» Шолохова, и у меня осталось неизгладимое впечатление: жизнь до революции – яркая, сочная, объемная. Каждый человек в ней – неповторимая колоссальная личность! А потом – гражданская война... Чик! Будто кто-то выключил свет, и все погрузилось в сумерки. Живые люди стали походять на тени... Серая, безрадостная жизнь, в которой человек превратился в жалкого пигмея с мелкими убогими мыслями. Такое же впечатление, между прочим, оставляет и французская литература. Вспомни, как разнятся образы и конкретные личности монархической и буржуазной Франции.

– Подруга, тебя ли я слышу! – картинно развела руками

Ирина. – Ты же всегда была сторонницей Советов.

– Не Советов, а Родины, великой страны. Наш народ достаточно пострадал в этом веке. Худо-бедно, а жизнь наладилась. Зачем надо было раскачивать лодку?

– Ну, что ни говори, мы обрели свободу, либеральные ценности, то-се...

– Смешная ты, ей-богу! Какие там идеи, какая там свобода! Слова, одни слова для нас, дураков. Пока всякие там либералы-интеллигенты с вытаращенными глазами орут: «Вся власть учредительному собранию!», конкретные ребята делают серьезное дело – делят промеж себя реальное богатство огромной страны. И аппетиты у этих ребят отнюдь не детские.

– Сколько можно говорить одно и то же! Надоело! Лучше скажи: нашла работу?

Лена сразу погасла и покачала головой.

– Хреново. Может, пренебрежешь своими принципами, позвонишь Лешке, скажешь: так и так, в стране революция, работы нет, жрать нечего...

– Ну, на еду, слава богу, у меня пока есть.

– Вот именно, пока! На дедовскую пенсию долго не протянешь, а у тебя девка растет! Ей и одеться, и пойти куда-нибудь, и о дальнейшей учебе надо думать. Чего ты! Пусть твой «прынец» заморский пришлет «зелени» на дочкино воспитание.

– Ты же знаешь, я сама отказалась от его помощи.

– Сама отказалась, сама и попросишь. Или что, у нас, советских, своя гордость? Так мы теперь и не советские, мы теперь эти... россияне, – знакомо протянула Ирина.

Елена невесело улыбнулась.

– В общем, кончай дурить, поезжай в Америку.

– Нет, я давно для себя все решила.

– Ну и не говори тогда: «да прилепится жена к мужу».

Откровенно говоря, ты меня здорово удивила. Скажи кто недавно, что ты подашь на развод, ни за что не поверила бы, в морду бы тому человеку плюнула. До сих пор не могу понять, как ты на такое решилась.

– Ты же знаешь: институт семьи как таковой мне никогда не казался слишком привлекательным, Алексея я об этом предупреждала. И он обещал: если я захочу снова жить самостоятельно, сразу же расстанемся.

– «И в молодые наши лета даем поспешные обеты, смешные, может быть, всевидящей судьбе!» – покивала головой Ирина. – Господи, какими же мы были независимыми, бесстрашными, свободными!

– Кто теперь в это поверит? Повсюду: с экрана телевизора, по радио – только и слышишь, какими забитыми серыми мышками были все «советики».

– Это точно, как посмотришь на наших деятелей культуры, глаза на лоб. Только подумай, снимались в чудных фильмах, выступали на лучших площадках страны, плюс любовь миллионов зрителей, известность... А теперь оказывается,

всех их бедняг прижимали, не давали развернуться. И добро, если хоть одно стоящее произведение появилось на экране после снятия цензуры. Ведь ни одного, буквально – ни одного!

– Артисты – люди подневольные, все спешат выразить лояльность новой власти. Так было всегда.

– Да, нам бы тоже не мешало каким-нибудь нужным господам высказать свою лояльность. Глядишь, и пристроили девушек на теплое местечко! Мне бы твою внешность, я быстро бы развернулась! Вообще, Ленка, что происходит? У тебя же до сих пор столько ухажеров, и богатые среди них есть. Или они ничего стоящего не предлагают?

– Предлагают, только в основном молодые ребята, все моложе нас.

– Так это ж хорошо!

– Не знаю, не знаю... Странные они какие-то: мозги что ли от денег плавятся? Глаза пустые, стеклянные, руки холодные... Как с ними девчонки спят?

– Молча, им все равно. К примеру, показывают вчера по телеку выпускниц одиннадцатого класса. Журналистка интересуется: чего, мол, вы в этой жизни хотите, чего ждете? Так девять из десяти выпалили: богатого мужа или любовника. На вопрос «имеет ли значение происхождение денег», девушки так же бодренько ответили: нам плевать, откуда деньги, главное, чтобы их было много. Сначала я даже сплюнула: вот идиотины! А потом подумала: может, так и на-

до? Пусть мужик и страшный, прыщавый, и гад последний, леший с ним! Лишь бы жить по-человечески.

– Врешь ты все, Ирка. Под мужика из-за денег ты никогда не пойдешь.

– Может, ты и права... А вообще, обидно! Какой-то универсальный закон подлости: если хороший, честный, нормальный мужик – так обязательно бедный. Как богатый, «писнесмен» какой-нибудь – полный абзац.

– Ну, наверное, не все такие. Твой братец-то теперь тоже бизнесмен. И дела у него, судя по всему, неплохо: женился, наконец-то, на своей школьной любви. Будь он бедным, не видать ему Светки как своих ушей!

– Да ты что! У Олежека крышак от денег давно съехал. Суди сама: во время своего обеденного перерыва закупит всяких продуктов и завозит все это добро матери – в его офисе почему-то нет холодильника. Вечером этот «писнесмен» недоделанный заберет свои кули, а матери даже кусочка не предложит. Она бы и сама не взяла, ты же ее знаешь! Но сам факт!

– Не может быть, он ведь так любит свою маму.

– Любил. Он и Светку свою любил, когда бедным был. А сейчас... Не знаю, как у них дальше будет. Светлана уже несколько раз матушке жаловалась, что наш Олежка требует от нее отчет за каждую покупку. А Светочка, если помнишь, девушка у нас непростая: и сама не из бедной семьи, и замужем побывала за солидным мужиком; он был постарше, за-

то денег на нее не жалел. В общем, к хамскому обращению девушка не привыкла и, что характерно, привыкать не собирается.

– Надо думать! Странно, что она до сих пор терпит такое положение вещей.

– Видно, Олежка ей и вправду нравится. И то сказать – он у нас красотун, все при нем: и рост, и стать.

– И жадным он никогда не был. Помню, как-то твоя мама жаловалась, что он на девиц все деньги транжирит!

– Это дела давно минувших дней! Вся его широта, щедрость мужицкая подевались куда-то. Теперь он все больше толкует о разумной бережливости.

– Кто бы мог подумать!

– Никто, Светка в том числе. Третьего дня она заезжала к матушке, и я как раз у нее была – подвозила кой-чего по мелочам... Светлана выставила бутылочку виски хорошего; мы его оприходовали, всех нас маленько развезло... Светка взяла и брякнула по-простому: если ваш «миллионэр» не перестанет разыгрывать бережливого дядюшку Скруджа, уйду от него. Поведала, что ее уже заприметил какой-то там иностранец. Так что она подумает-подумает еще чуток, да и уйдет от нашего жлоба. И правильно, их, дураков богатых, учить надо.

– Выходит, «богатые тоже плачут»? – запечалилась Елена.

– Нашла кого жалеть! С жиру бесятся! Вот у нас с тобой – реальная проблема: где найти хорошую работу?

– Ты же вроде на хорошем месте сидишь.

– Сидела! Только теперь кончилась наша лафа. Со дня на день ждем, когда нас прикроют. Какому-то крутому дяденьке понравился наш особнячок. Так что придем к Тинке, первым делом подкатимся к Ивану: может, у него на работе требуются секретарши?

– Едва ли. Впрочем, спрос не грех! – Взглянув на часы, Лена поднялась. – Пожалуй, нам пора.

– Да, надо двигаться: наземный транспорт ходит с такими перебоями! В такой день грех опаздывать!

Глава 2

– Кристиночка, если что, сразу звони, а лучше все бросай и сразу же возвращайся, – в сотый раз повторяла Арцвик Левоновна.

– Не беспокойся, бабушка! Я же еду туда не сама собой, а от фирмы. И потом, должен же в нашей семье хоть кто-то зарабатывать! – весело отмахнулась Кристина.

– Хорошо, что тебя не слышит дедушка! – горестно покачала головой Арцвик Левоновна. – Дожили: женщина, девушка – главный добытчик в семье. Зарабатывать деньги – мужское дело!

– А женское – правильно их истратить, – не переставала отшучиваться Кристина.

– Ты летишь одна или с группой? – спросила Елена.

– Нас будет шесть человек: пять девушек, которые прошли по конкурсу, и сопровождающий, представитель фирмы.

– Счастливая ты, Кристинка! Вырвешься отсюда, мир по-видишь, себя покажешь! Завидую белой завистью, – обняла девушку Ирина.

– А что за фирма? Известная? – поинтересовалась Елена.

– А кто ж их разберет! Сейчас модельным бизнесом только ленивый не занимается! – в сердцах ответила Тина. Весь вечер она была не в духе и даже не старалась скрыть своего

недовольства решением дочери.

– Все как-то вдруг, второпях. Надо бы узнать об этой фирмешке побольше, посоветоваться с юристом, проверить контракт! Иван, что ты молчишь?

Иван молча пожал плечами и взялся за бокал.

– Да ладно тебе, мам! – Кристина поцеловала Тину. – Сейчас другие времена: хочешь не хочешь – надо крутиться. Кто не успел – тот опоздал! Можно, мы пойдем с девчонками в мою комнату, поболтаем, посплетничаем?

– Иди, иди, – похлопала по руке Тина. – Только не вздумайте там курить!

– Мам, ты что! Знаешь же: я не курю, – на ходу бросила Кристина.

Глядя ей вслед, Ирина вздохнула:

– Ну, какие же они сейчас все хорошенькие, как будто их всех по одному лекалу выстрогали. Как им повезло – весь мир перед их ногами!

– Красивые ноги – это хорошо, гораздо важнее того, что у девочки хорошая голова на плечах, – заметила Лена. Ей хотелось сказать что-то успокоительное Тине, но подходящих слов не находилось, у самой сердце не на месте: молоденькая девчонка одна, без родителей, едет в чужую страну. Как их еще там примут? – Хорошо, что Кристиночка французский язык знает, хоть как-то сможет объясняться с итальянцами.

– Ленка, не будь занудой! Вон, твой Лешка уехал в Америку, теперь как сыр в масле катается!

– Кто бы мог подумать, что Алексей уедет из страны, – покрутил головой Иван. Он был рад сменить тему разговора. Идея дочери уехать на работу в Италию ему казалась неудачной. С другой стороны, Кристина – достаточно взрослый человек. Сейчас многие делают карьеру за границей, совсем молодые люди, девушки в том числе. Вряд ли он имеет право ограничивать ее свободу.

– Да уж, удивил нас твой Лешенька, – поддержала мужа Тина. – Так много рассуждал о России, ее предназначении, столько красивых слов и вдруг...

– Вовсе и не вдруг, все шло одно к одному: в последнее время Леша часто общался со своей матерью, а она очень плохо относится к советской власти.

– Странно... Сколько ей лет? Наверняка не больше пятидесяти! Я понимаю недовольство тех, кто жил при старом режиме, а эта родилась и жила в советское время... Откуда что берется? – Арцвик Левоновна неодобрительно покачала головой.

– Так или иначе, слова ее, по-видимому, не прошли для Алексея даром, – ответила Лена.

– Надо думать: мать есть мать! – пригорюнилась Ирина. – А тут, как на грех, и на работе неразбериха: умер научный руководитель Алексея. Под него, под его имя, выделялись деньги, а без него...

– Обидно и знакомо до боли! – горько усмехнулся Иван. – Кто доверит важное дело какому-то сопляку с кандидатской!

– У Леши было столько интересных идей, планов, – в который уже раз рассказывала Елена, – и все в одночасье рухнуло. Тут как раз позвонил его давний друг, Максим. Слово за слово, Леша рассказал ему о своих трудностях. Максим ответил, что в Америке знакомы с его работой и шеф не раз говорил о своей заинтересованности в приезде молодого ученого. В общем, через некоторое время пришло письменное предложение приехать в институт. Макс звонил чуть ли не через день, уговаривал Алексея, меня... Говорил: вы узнаете, что такое настоящая свобода. Ты – талант, от заказов не будет отбоя, ну и все в том же духе...

– Зря ты его не послушала, поехали бы всей семьей. Жила бы сейчас, горя не знала, нам с Тинкой приглашение сделала бы! – горестно подперлась рукой Ирина.

– Ты же знаешь, Лена не могла уехать из-за отца, – с упреком сказала Арцвик Леоновна. – Представь, что бы у него началось на работе, решишь Лена уехать!

– Какая разница? Ведь через год его все равно турнули с работы. Я имею в виду, прикрыли его контору, – извиняюще взглянув на подругу, поправилась Ирина.

– Кто ж знал, что так все обернется? – ответила за подругу Тина. – Ни один фантаст не мог предположить, что с нашей страной произойдет такое!

– А я вас предупреждала! Помните астрологический прогноз «Эра Водолея»? – с удовольствием напомнила Ира.

– Как же, как же, помним, как ты распиналась про новую

эру. «Эпоха Водолея – это время России, ее величия!» – передразнила подругу Тина. – А что на поверку? Разруха, нищета, срам повсеместный. Глаза бы мои не смотрели! Была великая страна, а теперь...

– Снова гражданская война! – неожиданно вырвалось у Елены.

– Ну, уж ты скажешь, – возразила Ирина.

– А что, я согласен с Леной, – вступил в разговор Иван. – Во всяком случае, методы у наших реформаторов – совершенно революционные: первым делом захватили «телеграф, телефон» – то бишь средства массовой информации; потом – материальные средства: золото партии, нефть, газ... Большевики говорили: грабь награбленное, а эти почти впрямую: воруи, сколько можешь! А чтобы сподручнее воровать было, поделили страну на отдельные куски – зоны влияния.

– Точно, все мы теперь живем, как на зоне, по понятиям, – усмехнулась Тина.

– Ладно мы! Детей жалко! Какая им досталась жизнь, не позавидуешь, – покачала головой Арцвик Левоновна.

– Ну, положим, не все так плохо, посмотрите, везде на ответственных постах, в прессе, на телевидении, везде очень молодые люди. Разве мы в свое время могли мечтать о таком, – возразила Ирина.

– Дорогая моя, а ты знаешь, что на телевидении в Америке подавляющее большинство ведущих не моложе тридцати, – с укоризной взглянула на нее Арцвик Левоновна. –

И это понятно: для того, чтобы вещать о серьезных делах, советовать что-либо людям, мало иметь образование. Необходимо иметь какой-никакой жизненный опыт. Другое дело спорт, балет – там действительно необходимы свойственные юности биологические параметры.

– Ир, ты меня удивляешь, – раздраженно произнесла Тина. – Разве непонятно, почему сделана ставка на молодых? Это ведь тоже классика революции: разделив поколения отцов и детей, власть имущие намного упрощают свою задачу. Они используют болезнь роста юных людей: опыт предыдущих поколений им ни к чему – мы и сами с усами! В этом возрасте человек слышит только себя, ощущает себя центром вселенной, короче, пребывает в полном неадеквате. Кинули им кость: «Бери от жизни все!». Вот они и «купились» за рубль, за двадцать!

– В том, что поколение «пепси» купилось на такую малость, нет ничего удивительного: нужная информация давит на них отовсюду. Включи утюг, услышишь: «если ты умный, почему бедный»? Такая мощная агиторка коммунистам и не снилась, – усмехнулся Иван.

– Да, ничего не скажешь, – подумав, подтвердила Лена. – Кто-то очень грамотно составил программу по уничтожению страны. Раньше все заварушки начинались в больших городах, провинция долго держалась в стороне, оставаясь оплотом здравого смысла, основой генетического фонда нации.

– Главный удар нанесен по провинции неслучайно. Про-

изводство встало, колхозы разрушены, нормальной работы нет. А по телевизору показывают такие соблазнительные картинки с вполне понятным подтекстом: неважно, как ты добудешь деньги. Стыдно быть только бедным! – в раздумье произнесла Арцвик Левоновна. – Но что пользы от этих разговоров, пойду лучше подогрею чайник.

– Ладно, с молодыми все ясно, – продолжила разговор Тина, – а чего у людей нашего возраста крышак съехал? Всегда считали, что у советиков – «облико морале»!

– Ну, знаешь ли... Всегда и везде были, есть и будут разные люди, с разными наклонностями, – спокойно ответил Иван. – Гениев и злодеев не так много. Большинство людей подчиняется программе, заданной государством. В Союзе было стыдно быть плохим человеком, тем более вором, мошенником. Теперь все иначе: формируется новое общество – общество потребителей.

– Жарко как стало, и пить хочется, – обмахиваясь салфеткой, сказала Лена. – Что-то Арцвик Левоновна с чаем задерживается, пойду помогу.

Елена бодрым шагом направилась на кухню, но на пороге нерешительно остановилась: Арцвик Левоновна стояла с заварным чайником в руках и смотрела в окно. Лена подошла к ней.

– Что вы там такое увидели?

– Ничего интересного, просто задумалась, вспомнила Вазгена.

– Царство ему небесное, – прошептала Лена.

– Да-да... Рано он ушел от нас. В наше время без мужчины трудно жить.

– А Иван? Разве он не опора семьи? По-моему, он очень старается, помогает Тине по дому...

– Деточка, с домашними делами в состоянии справиться любая женщина.

– А мужчина должен быть добытчиком, зарабатывать деньги? – не скрывая своего удивления, спросила Лена.

– Это было бы совсем не лишним, но дело даже не в этом. Мужчина несет ответственность за семью. Он, а не жена, должен принимать все решения.

– Слава богу, у Тины голова крепко сидит на плечах. Ни ума, ни характера ей не занимать! Тина всегда хотела быть главной хозяйкой в семье.

– Это от молодости, от неопытности. Откуда бы ей знать, каково нести груз ответственности за все, что происходит в доме, живя за спиной отца. Иван был очень хорош в прежнее, мирное время, когда все было более или менее предсказуемо, спокойно. А во время перемен во главе семьи должен быть настоящий мужчина. Был бы жив Вазген, разве позволил бы уехать внучке одной в чужую страну? Цыкнул бы на нее, послушалась бы как миленькая.

Лена шмыгнула носом, хотела напомнить, какой «послушной» была Тина, но промолчала. Тем более что в главном она была вынуждена согласиться с Арцвик Легоновной:

от того, что Тина стала верховодить в семье, никому, прежде всего ей самой, лучше не стало.

– Ничего, скоро в вашей семье вырастет еще один настоящий мужчина.

– Да, слава богу, Ашот весь в деда. Ну, пойдем в гостиную, нас, наверно, уже заждались.

Прощаясь с Кристиной, Елена едва сдерживала слезы. Позволила себе расплакаться только на улице.

– Ты чего это, может, лишнего выпила? – забеспокоилась Ирина. – Давай возьмем такси, я заплачу.

– Нет-нет, не надо. Я и сама не знаю, почему так грустно на душе. Давай немного пройдемся, может, полегче станет.

– Давай пройдемся, только недолго: в семь часов ко мне должен явиться мой бывший благоверный, долг отдать. Опоздаю хоть на минуту, скажет, что заходил, да дома не застал! Ищи тогда ветер в поле!

Глава 3

– Ну что, принес деньги?

Ирина стояла на пороге квартиры руки в боки. Всем своим видом она демонстрировала решимость захлопнуть дверь перед носом бывшего мужа, скажи он «нет».

– Ирушенька, стой, – вцепившись мертвой хваткой в дверь, начал Дима. – Ты же знаешь, что сейчас за времена. Зарплату не выдают уже два месяца.

– Меня это совершенно не касается! Ты занимал деньги полгода назад, за это время в твоём институте зарплату уже раза три давали, я узнавала у людей.

– Ириш, но кушать-то хочется каждый день, а не три раза в полгода. И потом, были особые обстоятельства... Может,пустишь в дом? Я тебе все объясню. – Дима умоляюще посмотрел на бывшую жену.

Ира не успела вовремя отвернуться. Синий взор бывшего мужа оказал свое колдовское действие. Пытаясь унять разом зачастившее и сладко занывшее сердце, машинально прижала руку к груди.

– Стоит ли посвящать общественность в наши дела. – Дима протиснулся в освободившийся проем двери. Ирине ничего не оставалось, как прикрыть ее.

– «Наши»?! Слава богу, у меня с тобой нет никаких дел уже больше двух лет! И общественность тебя хорошо знает,

ее уже ничем не удивишь!

Визит мужа закончился обычно: Ирина накормила его обедом, напоила коньяком из своих старых запасов, да еще снова дала денег взаймы.

После его ухода Ирина долго сидела на диване, приходила в себя. В который уже раз клятвенно обещала: «никогда, ни за что не пущу его на порог дома»! Обещала и не верила себе. Допив остатки коньяка, по-мужицки вытерла ладонью губы и произнесла вслух:

«Как же он хорош, сволочь! Как хорош!»

Ирина прилегла на диван, свернулась калачиком. Из прикрытых глаз полились горячие слезы. Она их не вытирала. На душе было тихо и спокойно, в голове звучала какая-то милая полузабытая мелодия.

«Да, он чертовски хорош, но и я тоже! Иначе зачем бы ему ко мне все время возвращаться? Не из-за денег же? А если даже и так... сколько их у меня? Кот наплакал! Зато настроения, здоровьишка женского он мне точно подбавил. Ну и бог с ним! Только бы нашу фирмешку не прикрыли!»

Сладко потянувшись, Ирина накрылась пледом и почти сразу уснула.

Будильник утром не зазвонил. Чтоб не опоздать на службу, пришлось брать машину. А что делать? Начальник предупредил строго-настрого: не опаздывать!

«Одни расходы из-за этого паразита», – привычно ругнулась про себя Ирина.

Своей работой Ирина очень дорожила. До этого она работала в закрытом предприятии – в «ящике». Деньги там платили неплохие, зато дисциплина...

Ужасно хотелось вырваться оттуда, но ни в одно учреждение, связанное с работой с иностранцами, ее не брали. По правилам, после работы в секретных учреждениях должно пройти не меньше пяти лет. Но не на ту нарвались. Ирина перевернула всю Москву, перебрала всех своих знакомых в поисках возможности обойти это положение. И нашла.

Одна из подруг, Алина Зельдер, работала в невзрачной, на первый взгляд, фирмочке с громким названием НЕФТЬ-ТРАНСПРОГРЕСС. Между тем занимала она очень симпатичный особнячок в одном из укромных переулочков Москвы. Больше половины сотрудников были евреи, и Ирину это очень устраивало. Ее мама, всю жизнь проработавшая в роддоме с соответствующим контингентом сотрудников, часто говорила: «Запомни, дочка, жида и еврей – разные понятия. Еврей – восточный народ, древний и мудрый, а жиды – понятие наднациональное. Это те, кто за деньги мать родную продаст. Такие есть в каждой нации, среди русских их не меньше, чем среди евреев. А с ними так: полюбят кого – работать одно удовольствие, а если невлюбят – лучше сразу уходить».

Ирина на новой работе, что называется, пришлась ко двору и по своим внешним, и по деловым качествам. Начальство по достоинству оценило ее трудоспособность, дружелюбие,

честность: вместе с положенной инженерской зарплатой она почти каждый месяц получала дополнительные суммы «премии за то, за се»...

Главное, Ирина наконец-то получила возможность общаться с иностранцами. Иностранцы были разные – свои, севовские и западные. Отличались они друг от друга, как земля и небо. Особенно это было заметно по немцам. Западные немцы вели себя уверенней, свободней, разумеется, намного лучше одевались. Гэдээровцы на их фоне выглядели бледновато, зато были своими «в доску». Ирина всегда была далека от политики, но когда «свои» или западные немцы рассказывали о Берлине, ей становилось не по себе. Стена, разделившая народ, семьи, судьбы, представлялась ей уродливым занавесом в театре абсурда, а сама идея дележа огромного города напололам – жутким неправдоподобным фарсом.

«Теперь в Германии все по-другому, у нас тоже», – вздыхая, думала Ирина. – «Вот только хорошо это или плохо – пока непонятно»...

На работу она успела вовремя. Алина уже приготовила кофе, расставляла чашки.

– Ну как? – с порога набросилась на нее Ирина. – Есть что-нибудь новенькое?

– Нет, вот сидим, ждем. Выпей кофейку, – придвинув к ней чашку, Алина зашептала: – говорят, нас хочет купить какой-то крутой бизнесмен. Работает он в основном на внутреннем рынке.

– Жаль, с иностранцами так приятно общаться: улыбочки, ухоженные, интеллигентные. Что ни говори, а так удобно работать с воспитанными людьми!

– И не говори, подруга. В их присутствии всегда чувствуешь себя женщиной: обязательно пропустят в дверях, подадут пальто, комплиментик отпустят.

– О, способность рассыпаться комплиментами – это особое достижение западной цивилизации. И как у них все это получается – легко и непринужденно. Не то, что наши мужчины: скажут чего, потом полдня думаешь: то ли похвалил, то ли посмеялся над тобой.

– Чего говорить, один Шарль чего стоит! Помнишь историю со Стеллкой?

– Как же, как же! Шарль долго ходил вокруг нее кругами, задачка была не из легких: ни кожи, ни рожи, волосы – пакля какая-то, и характерец тот еще! Мы еще посмеивались: нет, эта девушка французу не по зубам.

– Ан нет, Шарль и здесь не оплошал. Как он сказал-то: в ней есть глубоко запрятанный особый шарм.

– Да, Шарль – очаровашка! Но вообще, в последнее время я стала разочаровываться в иностранцах: «витрина», безусловно, красивая, а за ней...

– Чаще всего – ничего, глухая стена, – понимающе улыбнулась Алина.

– Вот-вот! У наших же смотришь: рожа простецкая, язык корявый, а приглядишься – за скромной витриной есть двер-

ка, за ней другая, а за ними выход в бесконечность...

– Хорошо говоришь, подруга! Согласна с тобой в общем и целом. И свобода их хваленая – тоже «на любителя». Во внешнем проявлении, там, где это недорого стоит, – пожалуй, а на деле зажаты не меньше нашего: как они беспокоятся о своем денежном положении!

– Еще бы, от этого зависит практически все: и в каком районе будешь жить, и у какого врача лечиться, и в какую школу пойдут дети. А о болезнях просто стараются не думать: это ведь серьезные денежные проблемы.

– В общем, перейдя на внутренний рынок, мы не так много потеряем, – утешали себя девушки. – Среди новых русских джентльмены тоже встречаются! Вопрос в другом: оставит ли новый хозяин старых сотрудников? Что, если нет?

– О таком даже думать страшно!

Глава 4

– Алексей, все в порядке. Билеты я заказал, буду, как и договорились, двадцатого. Не вздумай встречать меня в аэропорту, сам доеду. Нужно осваивать новые территории.

– Что, наклеиваются серьезные дела в Америке? – заинтересовался Алексей.

– Куда там! Пока что одни прожекты. Все расскажу на месте, сейчас, прости, тороплюсь: покупаю одну фермешку, небольшую, но весьма перспективную. Надо бы еще раз проверить документы.

– Поздравляю! Стало быть, растем, богатеем?

– А как же! Даром что ли политэкономiku в институте изучали? Действуем согласно законам капитализма! – хохотнул Александр. – Ну, все, до встречи, дорогой.

Положив трубку, Александр посидел за столом с закрытыми глазами. Хотелось расслабиться, подумать о Лешке, Максe, о себе... Взглянул на часы, нажал на кнопку, попросил принести чаю.

– Александр Давидович, через пять минут вас ждут в большом кабинете, – напомнила секретарша.

– Спасибо, я успею. «Пять минут на ностальгические воспоминания – имею же я право на такую роскошь», – усмехнулся он про себя.

В начале девяностых Александр вовремя подсуетился: ку-

пил значительную часть акций своей фирмы и вскоре стал одним из главных ее учредителей. А денег ему дал свекор, несмотря на то, что на тот момент они с женой уже развелись.

В разводе он пребывал уже больше года, а ведь как все здорово начиналось: за два года сделал докторскую, начал получать приличную зарплату, родился сын... Ни с того ни с сего жена вдруг надумала уехать в Израиль. Александр был категорически против, в этом его поддержал даже свекор. Рита потребовала развода, забрала сына и уехала в Тель-Авив. В тот же год один за другим умерли родители Александра. Лишившись их поддержки, он в одночасье повзрослел, заматерел. А тут в стране начались перемены. Свекор решил поехать в Израиль: поеду доживать к детям, здесь я никому не нужен.

Между тем почти все свои накопления он оставил зятю. С этих денег Александр и поднялся. Вообще, ему здорово повезло: нефтяное дело оказалось невероятно прибыльным, он вовремя оказался в нужном месте, с нужными людьми. В скором времени Александр провел несколько удачных банковских операций. Появились большие деньги, замаячили конкретные перспективы. Александр Пилирман стал серьезным игроком на поле бизнеса, с ним начали считаться важные люди.

В дверь заглянула секретарша:

– С вами хочет переговорить Денис Петрович. Соединить?

Александр кивнул головой и взял трубку.

– У нас все без изменений? Вести переговоры буду я? – деловито осведомился Денис.

– Действуем, как договорились. Главное – не суетись. И никаких поблажек. Если их не устроит наша сумма...

– А куда они денутся: фирма в долгах как в шелках. У них и дела как такового нет, так – посредники посредников... Только что особнячок хорош!

– Ну, все, я не буду тебя дожидаться, у меня дел невпроворот, о результатах доложишь по мобильному.

Положив трубку, Александр постучал пальцами по столу. Несмотря на благостную картину, в его фирме существовала серьезная проблема. Служба безопасности доложила: обнаружена утечка информации. Сначала подозревали его личную секретаршу, молоденькую хорошенькую девочку.

В причастность девушки Александр никогда не верил: во-первых, наедине они встречались довольно редко, во-вторых, он никогда не вел при ней деловых разговоров, в-третьих, Танюшка вообще существовала только для отвода глаз. Девушка, сама того не подозревая, была лишь ширмой для его тайных встреч.

Александр был давно и безнадежно влюблен в замужнюю женщину очень высокого положения. О ее существовании никто не знал, даже Денис с Валькой. Вспомнив о них, Александр поморщился: «Вот гадские времена, надо опасаться даже своих друзей».

Он долго не хотел верить, что «казачок» кто-то из местных. Но двое высококлассных специалистов, бывших КГБистов, нанятых им для частного расследования, независимо друг от друга заявили, что, скорее всего, информацию сливает кто-то из его ближайшего окружения. Круг проверок постепенно сужался, ему страшно было подумать, что если это кто-то из них двоих...

Денис и Валька были первыми, кого он выписал к себе на фирму. На ту пору оба уже окончили институт и корпели за копейки все в том же КБ, в котором когда-то вместе начинали.

Александр помог им прикупить акции фирмы, научил обращаться с денежными кредитами. Так что через короткое время ребята стали полноценными акционерами, держателями крупных пакетов акций. Александр радовался: свои люди в серьезном деле дорогого стоят! На их совокупную долю на сегодняшний день приходилось почти восемьдесят процентов, а по существу он был единовластным полноправным хозяином. Ребята не уставали говорить ему о своей благодарности и преданности.

«Нет, кто угодно, только не они», – решительно хлопнул по столу Александр.

Тем не менее он последовал совету специалистов: о предстоящем контракте с крупной нефтяной корпорацией в Америке не стал говорить никому. Даже Денису сказал, что едет в Америку, чтобы развлечься и навестить друга.

Глава 5

Алексей с напряженным вниманием смотрел на экран телевизора. Показывали новости из Москвы, официальную хронику. Смотреть было стыдно: президент страны выделял такое!

– Как они только могли избрать его главой государства? С ума что ли там все походили? – с досадой крикнул Алексей.

– Это ничего, – подсев к нему на диван, сочувственно проговорила Эдит. – У нас тоже всякое бывало. И вообще, нам только кажется, что мы кого-то сами избираем. Очевидно, для решения сегодняшних проблем вашим господам понадобился такой оригинал.

– Каким господам?

– Тем, в чьих руках сосредоточены основные денежные потоки. У вас ведь тоже говорят: кто платит, тот и заказывает музыку. Современные методы политтехнологии теперь работают у вас.

Алексей молча кивнул головой и переключил кнопку.

По другим программам передачи были не лучше – пошлые, бездарные.

Напоказ – все самое дрянное, что есть в человеке; все его пороки, мыслимые и немыслимые, смаковались в самых ярких красках и отвратительных подробностях.

– И всю эту бредуху показывают в самое смотрибельное время, наверняка с попустительства людей, наделенных властью, – процедил сквозь зубы Алексей.

С нескрываемым раздражением он стал нажимать одну за другой кнопки. Наконец наткнулся на какую-то аналитическую программу. В ней принимали участие несколько солидных, всем известных личностей.

Несколько минут Алексей вслушивался в слова, всматривался в лица людей, которые в свое время верой и правдой служили советскому правительству, были обласканы им, имели все материальные блага.

– Нет, ты только послушай, что они говорят! Стыд и срам!

– Насколько я понимаю, перед нами представители интеллигенции? Ты говорил, что именно они – соль, совесть русской земли... И о чем они так важно рассуждают? – рассеянно спросила Эдит, поглаживая пальцами волосы Алексея.

– Вещают, как им трудно жилось при советской власти, как их зажимали, наступали на горло их «лебединой песни». Господи, везде и всюду одни и те же лица, одни и те же, как под копирку, слова, как же им не стыдно, как они не боятся смотреть в глаза своим товарищам.

Алексей выключил телевизор, на минуту прикрыл глаза.

– Не понимаю, почему тебя это так огорчает. Все это – старо как мир! Ну же, Алекс, – Эдит повернула голову Алексея к себе и надолго припала к губам.

– Иди ко мне! – выдохнул Алексей.

– Ты великолепен, – простонала Эдит.

Алексей, подхватив ее руку, поцеловал запястье.

– А я-то удивлялась, почему госпожа Онассис выскочила замуж за советского моряка? Впрочем, меня подобный тип мужчин никогда не интересовал. Грубая мужская сила... Бр... Ты – другое дело!

Иногда мне кажется, что ты в большей степени европеец, чем я.

– Так оно и есть, ты ведь американка, – с улыбкой ответил Алексей.

– Ты же понимаешь, я о другом: достижения западноевропейской культуры, наши общие ценности, – лениво отозвалась Эдит. – Ты такой умелый, так раскрепощен в сексе... Во всем так рационален... Признавайся, ты шпион английской разведки: твой безупречный английский выдает тебя с головой!

– Ты меня раскусила, я – агент 007.

– И что же ты хочешь у меня выведать?

– От тебя лично – ничего, кроме любви, разумеется. А вот от нашего шефа...

– Алексей, ты часто говоришь мне о любви, правда, почти всегда в шуточной форме. Но я же вижу, чувствую, что нравлюсь тебе. Почему бы нам не закрепить наши отношения?

– Ты имеешь в виду узаконить их? – Алексей потянулся к столику, чиркнул зажигалкой. Перехватив сигарету, Эдит несколько раз глубоко затянулась.

– Почему ты молчишь? Ты же давно разведен и, насколько я знаю, практически не общаешься с бывшей семьей.

– Мы разведены, но не развенчаны.

– И это значит...

– Что мы все еще супруги...

– А наши отношения не что иное, как блуд? – усмехнулась

Эдит.

Алексей попытался что-то возразить, но Эдит отмахнулась:

– Ладно, проехали! В конце концов, это твои проблемы, рано или поздно тебе придется их решать.

Взглянув на часы, Эдит присвистнула:

– Ничего себе сколько времени!

– Скоро заявятся твои друзья.

Не одеваясь, прошла в душ, оттуда деловито спросила:

– Послушай, ты уверен, что мне надо присутствовать при вашей встрече?

– А что, у тебя на сегодня есть какие-то серьезные планы?

– Мне хотелось бы закончить свою статью.

– Хорошо, поезжай к себе, поработай. Но если освободишься пораньше, возвращайся. Мне бы хотелось познакомиться тебя с друзьями.

– Договорились, – поцеловав Алексея, девушка направилась к двери. – Надеюсь, вы не станете много пить? Помни, в понедельник твой доклад, тебе нужна ясная голова!

– Не беспокойся, я все помню, – улыбнулся ей Алексей.

Глава 6

Звук звонка отозвался в сердце Алексея учащенным ритмом, он поспешил к двери:

– Сашка!..

Друзья долго обнимались на пороге дома. В комнату вошли, не разнимая рук.

– Ну, рассказывай, как ты тут, – стараясь справиться с волнением, Александр вынул из кармана большой носовой платок, громко высморкался, с подчеркнутым любопытством стал оглядываться вокруг.

– Все нормально: сыт, пьян и нос в табаке. Одно нехорошо – скучно! Ну что мы стоим, присаживайся, я – напротив: хочу попривыкнуть к твоему новому образу.

– Что, не нравится?

– Наоборот – супер! Ты и раньше был хорош, а сейчас... Персона с обложки глянцевого журнала.

– Скажешь тоже, – улыбнулся явно польщенный Александр. – Вот ты действительно здорово изменился. Увидел бы на улице, не узнал. Я не говорю о прикиде, но взгляд, жесты, манера говорить... Американец или европеец, короче – типичный «западник»!

Хлопнув друг друга по рукам, друзья расселись в кресла.

– Елки, вот время летит! Кажется, только вчера в московской кафешке сидели, сухонькое потягивали, и вдруг... Ты

ведь тогда никому ничего толком не объяснил, метался, как в угаре.

– Так оно и было. Раздумывал до последней минуты, надеялся, что Елена передумает, ждал ее.

– Не жалеешь, что уехал?

– Жалею, но будь передо мною выбор, сделал бы то же, – твердо ответил Алексей. – Предложение, какое поступило мне тогда, дважды не повторяется. В Америке наши профессора на лаборантской ставке не редкость, а тут и должность нормальная, и перспективы...

– Но в твоём институте тоже были хорошие перспективы.

– То-то и оно, что «были». После смерти Самуила тему закрыли, лабораторию растащили, я остался не у дел. А тут как раз подоспело письмо от Максика: всемирно знаменитый институт готов подписать со мной контракт.

– Не обманули американцы-то?

– Нет, все в соответствии с подписанным договором: занимаюсь высокой наукой. Клеточные технологии – дело серьезное. На пальцах такую науку не сделаешь!

– Ну, а как дела у Макса?

– Сейчас сам у него расспросишь, обещался подойти к трем часам, так что скоро увидите.

– Он все так же пунктуален?

– Да, слышишь звонок? Это он!

Александр бросился к двери, в прихожей раздался его радостный возглас:

– О-о-о! Забурел, забурел!

Хрестоматийная фраза вызвала у Макса мальчишескую улыбку, он молча обнял друга.

– Давайте, давайте за стол, ребята, – Алексей выставил бутылку виски.

– Я же привез вам нашу, московскую, – восторженно воскликнул Саша.

– Дело, – потер руки Макс.

Разлив водку по рюмкам, Алексей поднялся:

– Ну что, за встречу?

Друзья засиделись в гостях допоздна. Алексей уговорил их остаться до утра:

– Саш, ты ведь забронировал номер?

– Да, все оплачено.

– Вот видишь, номер за тобой, можно не суетиться, а Макс теперь у нас человек свободный, отчитываться не перед кем.

– Ты ушел от Татьяны? – удивленно взглянул на друга Саша.

– Нет, это она от меня ушла.

– Шутишь!

– Какие шутки! Татьяна у нас женщина серьезная!

– Что, пизнес-леди? – хохотнул Сашка.

– Вот именно. Бизнес у нее пока небольшой, но с ее характером, работоспособностью дело пойдет, да и муж новый поможет.

– Вот даже как! Он американец?

– Разумеется. У Татьяны все спланировано: решила стать стопроцентной американкой – и станет. Можно не сомневаться. Впрочем, я не в обиде, каждый устраивается, как может.

– Во как! Стало быть, у нас клуб холостяков-разведенцев.

– А что, компания получилась знатная. Давайте выпьем за нас.

– Нет, предлагаю выпить за жен, которые бросают своих мужей, – пафосным тоном возразил Макс. – Как там... «Пусть пребывают они в спокойствии и неге...»

– Не знаю, как наши с Максом жены, а Ленке не до неги, – буркнул Александр.

Алексей поднялся, подошел к окну, не оборачиваясь, спросил:

– Ты давно видел Елену?

– Давно, первое время часто ей звонил, предлагал помощь. Но она так ни разу не захотела встретиться со мной и от денег категорически отказывалась.

Алексей молча кивнул головой:

– Если она не берет моих денег...

– Это она зря. Ты себе представить не можешь, как трудно живется в России.

– Почему же не могу? Вон телевизор, как посмотришь на ночь нашу передачу, считай, не заснешь.

– Кстати, переключи на нашу программу, сейчас должны быть новости.

Увидев знакомую заставку, Александр удовлетворенно вздохнул:

– О, оказывается, здесь все как у людей, смотришь наше телевидение?

– Да вот, смотрю и удивляюсь, – поморщился Алексей. – Нигде в мире журналисты не ведут себя так беззастенчиво. Ребятки даже не пытаются скрыть свою ангажированность. В стране творится черт-те что, и все молчат, правозащитники тоже. А уж у кого, у кого, а у них работы должно быть невпроворот.

– Я наше телевидение почти не смотрю, – отвернулся от экрана Александр. – Помните, что советовал профессор Покровский своему ассистенту?

– Не читать советскую прессу во время обеда? – вспомнил Максим.

– Во-во! Его рекомендации снова актуальны.

– Удивительно, о насущных проблемах: безработице, бездомных детях, разбазаривании природных богатств – никто не говорит, ни одного хоть сколько-нибудь серьезного экономического анализа, – не мог остановиться Алексей. – Зато для всякой дряни – лучшее эфирное время. На всех каналах мелькают одни и те же рожи – «новые русские»! Откуда они появились?

– Но-но, поосторожнее с рожами: я ведь в некотором роде тоже «новый русский», – со смехом возразил Александр. – Но чтоб ты знал, сейчас формируется новый тип элиты – об-

разованных, по-настоящему деловых людей...

– Как же, как же! Видели! Клерки с лицами роботов, «белые воротнички» американского образца двадцатилетней давности. Смешно! Почему они такие важные, почему пренебрегают опытом прошлого? Ведь исторические аналогии напрашиваются сами собой: каждый новый строй порождает новых «хозяев жизни». Их выдвигают на первый план, дают возможность повыступать, почувствовать себя небожителями, парней распирает от ощущения своей значимости, а потом – хлоп! Они в одночасье стали неправдоподобно пошлым вчера. Сколько раз это повторялось: аристократы, буржуа, революционеры, партийцы... Марионетки в неведомо чьих цепких руках!

– Ну, Алеха, ты даешь! – серьезно посмотрел на него Александр. – Похоже, и вправду, «большое видится на расстоянии»... А ну их всех на фиг, переключи на местную программу.

С минуту посмотрев кадры известного триллера, Александр усмехнулся:

– Любые ваши кошмарики перед нашими буднями – невинные сказки про Машеньку и медведя. Кстати, раз уж речь зашла о девочках... Судя по наличию в твоей квартире женских шмоток, ты отнюдь не отшельник?

– Нет, Эдит моя подруга, мы вместе работаем. Она очень приятная женщина, но мне не хотелось бы о ней говорить.

– Не хочешь, и не надо, – не стал настаивать Александр.

Разлив водку, поднял до краев наполненную рюмку: – Предлагаю помянуть тех, кто ушел из жизни, но всегда будет с нами. За наших родителей.

Друзья, не чокаясь, выпили.

– Да, а как дела у Сергея? Вы видите? – в один голос спросили Макс и Алексей.

– Видимся, но редко: Сергей получил приход в Подмосковье.

– О, стало быть, с карьерой у него все нормально? Постой, приход получают только женатые священники, – вспомнил Макс.

– Более того, чтобы получить сан, надо быть уже женатым, – уточнил Александр.

– Значит, Сергей – единственный женатик среди нас? Ты видел его избранницу? – с нескрываемым любопытством спросил Алексей.

– Видел и ее, и двоих детишек.

– И когда это он успел! – развел руками Макс. – Молоток Серега! Кстати, говорят, у священнослужителей самые крепкие семьи.

– Слава богу, хоть где-то в России остался порядок, – горестно вздохнул Алексей. – Ну, давайте, за него, за его семью, за детишек...

Разошлись спать только под утро. Александр, лежа на просторном диване, прислушивался к себе: надо же, столько приняли на грудь, и вроде ничего... Прикрыл глаза. «Да, от-

вык я столько пить, отвык столько говорить, не спать по ночам. Отвык от нормальных человеческих отношений, откровенных разговоров, от нормального дома». Положив ладонь под голову, повернулся на бок: «Дожили, в Америке чувствуешь себя спокойнее, чем у себя дома».

«Дожили», – строго смотрел на него отец и качал головой.

«Докатались», – вторил ему Петр Иванович, Лешкин отец.

– Вы же уже у... ушли из нашего мира, – удивился Александр.

– Как же, уйдешь от вас. Кому же защищать нашу землю? Пока не появятся новые ратники, будем стоять, как стояли на фронте.

– А что вы можете сделать там? – не мог удержаться от вопроса Александр.

– Как что? Молиться!

– Ты же был неверующим, пап.

– Дурак ты, Санька. Хоть и умный, а дурак! – ответил за отца Петр Иванович. – Если чего не знаешь, лучше помолчи, а еще лучше, сходи к Сергею, другу своему. Он тебе поможет...

В чем должен помочь Сергей, Саша не услышал. Его разбудили голоса друзей. Саша взглянул на наручные часы: ничего себе! Уже восемь часов, а казалось, только что закрыл глаза. Как летит время! От командировочных деньков осталось всего двое суток. Или целых двое суток... У времени,

проведенного в обществе родных людей, иной отсчет.

Глава 7

Тина вышла из лифта тяжелыми медленными шагами.

«Значит, в почтовом ящике опять пусто», – поняла

Арцвик Леоновна и занялась завтраком.

Тина поставила на огонь турку и с плохо скрываемым раздражением спросила:

– Тебе не надоело готовить ему завтраки? У Ашота каникулы, а Иван свою кашу и сам может приготовить, дело нехитрое. Лучше бы поспала побольше.

Арцвик Леоновна, не переставая нарезать сухофрукты, спокойно ответила:

– Если вы позабыли о своих обязанностях, о предназначении жены и матери – ваше дело. Я же до последних дней хочу остаться нормальным человеком, женщиной.

– Что ты хочешь этим сказать? – Тина требовательно взглянула на мать. – Говори же, я чувствую, что тебе не терпится выразить свое «пфе». По поводу чего на этот раз? Или ты хочешь меня пожурить за связь с Виталиком? Может, ты забыла, сколько мне лет? Я уже большая девочка и сама решаю, когда, сколько и с кем мне спать.

Арцвик обернулась, не спеша вытерла руки о фартук и, размахнувшись, хлопнула звучную пощечину дочери:

– Это тебе за наглость, это – за неуважение к своему дому, а это... – последняя пощечина прозвучала особенно гром-

ко, – за неуважение к матери. Мало тебе этого, еще добавлю, сил хватит, чтобы поставить тебе мозги на место!

Тина стояла, открыв рот и держась за щеки; такого от своей матери: интеллигентнейшей обрусевшей женщины – она не ожидала.

– Доброе утро, девушки. Что у нас на завтрак? – с благодушной улыбкой спросил Иван. Тина, не удостоив мужа ответом, вышла из кухни. Арцвик Леоновна, приветливо кивнув головой, сообщила:

– Овсяная каша, такая, как ты любишь: с фруктами и орехами.

Тина на ходу закатила глаза, стала одеваться и тут вспомнила, что обещалась позвонить Елене, спросить о подарке. В последнее время стало принято спрашивать у именинника его желание: денег было не так много. Хотелось, чтобы подаренная вещь оказалось полезной.

– Привет, дорогая! Сколько же мы с тобой не виделись? Почему не звонишь? Ну, рассказывай, какие новости?

– Да какие могут быть новости? Ищу работу.

– По специальности?

– Ну да, хотелось бы!

– Ну ты наивняк! Я уже давно отказалась от этой мысли. Это практически невозможно. Если и возьмут, только на какую-нибудь подмалевку, платят за это такие гроши...

– Но сейчас столько работы у рекламодателей!

– Да и специалистов по рекламе – пруд пруди. Опять же,

чтобы получать стоящие заказы, нужны знакомства. Надо войти в обойму, понимаешь? Мы с тобой слишком долго воротили нос от этих деятелей с деньгами. Лен, прости, но мне кажется, ты все еще пребываешь в каком-то неадеквате. Нужно искать любую хорошо оплачиваемую работу. У тебя девчонка растет.

– Я понимаю, – сразу же согласилась Лена. Ей очень хотелось спросить, есть ли вести от Кристины, но боялась расстроить подругу. Если бы была хоть какая-нибудь весточка, давно бы сама сказала.

– Лен, ты подумала о подарке?

– Честно говоря, я и забыла про свой день рождения. Обещаю подумать. А сейчас извини, тороплюсь в одно местечко насчет работы. – Упреждая вопрос подруги, быстро добавила: – Куда, пока не скажу, чтоб не сглазить! В конце недели я тебе обязательно позвоню!

Лена медленно шла по институтским коридорам. Со времени, когда они здесь учились, изменилось немного. Те же стены, запахи, свет, те же преподаватели. Жаль, что профессора Корсунова не оказалось на месте. Она так надеялась, что он найдет для нее какую-нибудь подработку!

– Лена, Мальцева, ты?! – окликнул ее проходящий мимо высокий парень.

– И тебя потянуло в альма-матер! Ну, покажись-покажись, давно тебя не видел! – тряс ее за руку здоровый парень.

– Коля, Трофимов! – взглядевшись в лицо, вспомнила Ле-

на. – Тебя и не узнать! Ну, как твои дела, чем занимаешься? – не без тайной мысли (а вдруг найдется работа) спрашивала Лена.

– А, перебиваюсь всякой ерундой, коммерцией занимаюсь. Ты-то как, красавица?

Лена настороженно взглянула на него: «Тоже мне, нашел красавицу, шутит что ли?».

Но Колино лицо просто лучилось искренней радостью. Лена немного успокоилась: она и сама видела людей по-своему, по-особому. Ухоженность, модный прикид и прочие внешние атрибуты не имели для нее большого значения.

– Да так, перебиваюсь от заказа до заказа, – сказала она неопределенно.

– Все равно молодец, главное, по специальности работаешь! А я... Скурвился... Семью надо кормить. Впрочем, я на жизнь не жалею. За год полсвета объехал, в Париже побывал, в Америке. С нашими ребятами там повстречался: с Серегой Талызиным, Костиком, Яной... Помнишь их?

– Конечно, – искренне заинтересовалась Лена. – Ну, как там они?

– По-разному. Но никто из них не стал знаменитостью, никто не разбогател.

– А Стас? Ты его видел?

– Как, разве ты не знаешь? Его уже больше года нет в живых. Передоз.

– Он принимал наркотики?!..

– Ну да... Сначала пил здорово, потом на наркоту перешел. Он ведь уехал на запад одним из первых. Был уверен, что его картины там ждут не дождутся. А там нашего брата – полным-полно, все ниши заняты. Чтобы занять место под солнцем, надо драться. А куда Стасику с его нервной системой? Помыкался он, помыкался, да принялся за горькую.

– А Яна?

– Что Янка? Как верная собака, была при нем до последнего вздоха. Да что толку от этого? Как ярмо на груди у Стаса: и тяжело, и надоела, и выбросить жалко. Не такая подруга нужна была Стасику, но чего теперь говорить...

– Чем же теперь она живет? – забеспокоилась Лена.

– Не бойсь, такие, как она, нигде не пропадут. На свете столько необласканных мужиков, особенно среди нашего брата! Она сейчас с Костиком живет.

– Так он моложе ее лет на десять.

– Подумаешь, кого сейчас этим удивишь. Костик – натура ранимая, трепетная. Ему трудно в чужой стране, без поддержки... А Янка поет ему с утра до ночи дифирамбы, тем и живет. Ну ладно, мне пора бежать.

– А ты зачем сюда приходил?

– Заказ привозил для нашего Корсунова.

– Ты торгуешь художественными принадлежностями?

– Куда там! Это я по старой памяти, так сказать, в знак благодарности любимому учителю, а в основном... Торгуем модными шмотками, так что, если что понадобится – звони.

Вот тебе моя визитка. – Поцеловав ей руку, торопливо зашагал по коридору.

«Я же тебя предупреждал: больше, чем на десять процентов, не снижай! Вот козлина! Разницу вычту из твоей прибыли, так и знай», – слышался в отдалении голос бывшего сокурсника, талантливое многообещающего художника.

Лена тяжело вздохнула, взглянула на часы: «Учительница продленки просила сегодня забрать детей пораньше, как я могла забыть!».

В школу Елена прибежала вовремя. Но ее там ждал сурприз – у Поленьки вывих в локтевом суставе.

– Хожу за ними, как насадка за цыплятами, – разводила руками учительница продленки, – как они умудряются носы разбивать, падать? – Лена не стала уточнять, что сделать это очень просто. Валентина Григорьевна, молодая полная девушка, большую часть времени сидела на стуле с очередным любовным романом в руках. Хорошо, что ребятки в группе спокойные. Драчунов и озорников нет, так что волноваться, кричать на детей не приходилось. И на том спасибо.

В травмпункте была довольно длинная очередь. Зато врач, молодой веселый человек, в одну минуту справился с проблемой. Легонько дернул ручку – «эть»! И все в порядке. Полина даже не успела испугаться.

Домой пришлось возвращаться пешком: в троллейбус не протолкнешься, такси исчезли как вид, а частники заламывали бешеные деньги! Идти было тяжело – под ногами

грязное месиво, с неба дождь со снегом. А тут еще здоровая сумка с овощами – кто знал, что придется тащиться в травмпункт.

– Мам, а у меня в одной ноге вода хлюпает, – сообщила дочка.

«Господи, как я могла забыть! Вчера еще заметила, подошвы на сапожках держатся на честном слове. Хорошо, что Поленька такая, без комплексов и претензий. Что наденешь на нее, то и носит. Получим деньги, и сразу в магазин».

Лена обернулась в поисках обувной мастерской.

– Может, сейчас нам что-нибудь сделают?.. А через два дня у бабушки пенсия. Первым делом купим тебе новые ботиночки. Сейчас ведь и в школе смотрят, кто во что одет.

Полина промолчала. Лене до боли в сердце стало жалко дочку.

– Вон обувной магазин, давай присмотрим тебе ботинки. А может, лучше сапожки?

Елена приостановилась у ярко освещенной витрины и вдруг увидела в ней свое отражение.

Большая меховая шапка, когда-то так ее украшавшая, облезла до безобразия. Слипшиеся от дождя шерстинки торчали иглами, как у дикобраза. Под глазами темные круги – то ли эта чернота от усталости, то ли размылась дешевая тушь. Уголки обметанных простудой губ опущены вниз. Вон и соответствующая складочка на коже. Она так и называется – «складка скорби». Юные красавицы на рекламе демон-

стрируют, как легко от нее избавиться с помощью новейших препаратов. Полина, равнодушно поглядывая на доступный ей кусочек витрины, терпеливо ждала. Елена легонько пожалала теплые пальчики дочки.

«Только бы не расплакаться здесь, не испугать Поленьку», – кусала губы Елена. Но слезы уже застилали глаза. Через их пелену окружающий мир приобретал бесцветное расплывчатое очертание. Елене показалась, что они с дочкой идут по обочине жизни и их будущее так же безрадостно и беспросветно, как этот длинный день. Мелькнул глазок светофора. Елена машинально пошла через дорогу. Очнулась, услышав резкий звук тормозов.

– Черт, страшная! Куда тебя несет на красный свет, да еще с ребенком! – закричал на нее водитель машины.

Елена усмехнулась. Наверное, в ее лице было что-то такое, что здоровый мужик осекся. Не договорив, покачал головой, уселся в кабину и резко отъехал.

«Черт, страшная», – почти весело вспомнила Лена. Вот так дожила. Перед глазами снова встал образ обочины грязной дороги. Образ жизни брошенных на произвол судьбы людей.

«Ну нет!» – Елена вытерла платком слезы. – «Я никому не позволю разрушить свою жизнь. Пойду на любую работу.» – Тут же сама себе возразила: «Ни торговать, ни обманывать, ни втюхивать „чудесные препараты“ доверчивым гражданам ты не будешь. Разве что в уборщицы? Да хоть и в убор-

щицы. Любой честный труд, лишь бы взяли!»

– Мам, я замерзла! Давай зайдём в церковь, погреемся, – дернула за руку Полина.

Лена оглянулась. Они проходили мимо незнакомого храма, из открытой двери и окон лился мягкий свет.

В небольшом помещении церкви было многолюдно и тепло.

– Дочка, поставь свечку к празднику, – услышала она шепот за спиной.

– А где это?

– Да вот же, перед тобой икона «Всех скорбящих радость», – подсказал тот же голос.

Лена благодарно кивнула головой, послушно поставила свечку и поцеловала темного золота образ.

– А я? – снизу на нее смотрели серьезные глаза дочери. Полина привстала на цыпочки и приложилась к иконе, будто делала это не раз. Отойдя в сторонку, Елена оглянулась. Вокруг были люди, вроде бы обычные люди, такие же, что на улицах.

«Впрочем, нет, не совсем такие», – вынуждена была признать Лена. Не было в их лицах страха, скорби, недовольства. Здесь царили покой и внимание друг к другу. В сердце Лены тоже наступил покой и тихая радость.

– Ну что, согрелась? – нагнулась она к дочери. Поля молча кивнула головой. Елена невольно вздрогнула от ответного взгляда дочери – в нем были мудрость и покой взрослого

человека.

– Не бойся, мамочка, все будет хорошо, – тихо произнесла дочка. Снова дрогнуло сердце, но уже не от отчаяния, а от предчувствия радости. Она тоже знала – все будет хорошо. Потому что они живут на своей земле, среди своих родных людей. И они не пропадут, не могут пропасть.

Дома она взяла в руки газету, прошлась глазами по объявлениям: «Уборщицы, гувернантки, няни... Вот – то что надо; детей я люблю, это подойдет».

Глава 8

Хозяйка, мама годовалого малыша, показалась Елене вполне симпатичной. О малыше и говорить нечего. Первым делом Раиса Геннадиевна показала ту часть квартиры, где Елене разрешается находиться.

– Это детская, кухня, комната для персонала, туалетная комната для прислуги. Да, и еще: у нас принято работать в униформе, пройдите с Анной Петровной, она подберет вам одежду.

Лена поспешила за невысокой крепенькой женщиной. Смерив новенькую взглядом, Анна безапелляционно заявила: сорок четвертый.

– Что вы, я ношу сорок шестой, а то и больше, – попыталась возразить Лена.

– Москвичка?

Лена утвердительно кивнула головой.

– Интеллигентка... – обречено вздохнула Анна. – Тяжелый случай. Ты главное поменьше говори и не пререкайся с хозяевами. А насчет платья не сомневайся: у меня глаз наметанный.

– Ну, что я говорила, – довольно воскликнула она, увидев переодетую Лену.

– А не слишком облегает? – неуверенно возразила Лена, разглядывая себя в зеркале. – Мне кажется, это платье сидит

неприлично плотно.

– Это не нам с тобой решать! Хозяин у нас любит, чтобы женщины ходили в облегающей форме.

– Хозяйка тоже?

– Ее дело маленькое, муж сказал – она сделала. Ну, пойдем. Сейчас «сам» будет инструктаж проводить, хозяйка тебя ему покажет: вдруг ты ему не понравишься...

Лена вместе с другой прислугой прошла в просторную прихожую с плотно закрытой тяжелой дверью.

Стояли молча, Лена не испытывала никаких чувств: она твердо решила, что ее девочка больше никогда не будет ходить в рваных ботинках.

Дверь широко открылась, на пороге возник молодой плотный мужчина.

– Давай-давай. Я тороплюсь, – недовольным голосом говорил он жене. – Задания раздашь сама.

– Валерий, у нашего мальчика новая няня, Елена. У нее высшее художественное образование.

– Угу. – Скользя по новенькой равнодушным взглядом, хозяин проговорил: – Будет время, побеседуем, а сейчас мне недосуг.

«Не может быть», – простонала Лена. – «Валерий Круглов, тот, что когда-то набивался ко мне в женихи. Что делать? Уйти? А где найти другую работу. К тому же, похоже, он меня не узнал. Будь что будет, останусь.»

Раздав всем указания, Раиса подошла к Лене.

– Ну вот, сейчас вы познакомитесь с сыном. У меня мало времени, пройдемте на кухню, его надо покормить. Сегодня я это сделаю сама, а завтра этим займетесь вы. Знакомьтесь.

Лена с удовольствием взяла на руки бледноватого мальчика.

«Интересно, чем кормят детей олигархов?» – с любопытством смотрела она на маму. Та, достав из холодильника небольшую кастрюльку, выложила несколько ложек каши, добавила туда молока и поставила разогревать на плиту.

– Это овсянка? – удивилась Лена. – И вы ее подогреваете?

– А вы собираетесь кормить ребенка холодной кашей?

– Нет, я имела в виду другое... Такому малышу полагается есть только свежеприготовленную еду.

– Что? Вы собираетесь меня учить?! Запомните, Елена, в этом доме у вас только одна хозяйка – это я. Мое слово для вас – закон. Если вас что-то не устраивает – путь свободен. На ваше место претендует десяток женщин, и все они, между прочим, моложе вас. Так что...

– Простите, я думала...

– Для первого раза я вычту из вашего жалования только пять процентов. В следующий раз эта величина будет гораздо ощутимей... Можете приступать.

Понаблюдав, как Елена кормит малыша, Раиса удалилась; вернулась через несколько минут с бумагами в руках.

– Здесь расписание по дому, это перечень ваших обязанностей, это договор, это расписка о получении аванса. Рас-

пишитесь под договором.

Лена, не вчитываясь в напечатанные строки, быстро подписалась. Вдруг перед глазами всплыли цифры, обозначающие сумму ее оклада. Это было на порядок меньше того, о чем они договаривались. «Может, аванс – лишь небольшая часть оклада?» – растерянно думала она.

Когда за хозяйкой закрылась дверь, открыла конверт: там были доллары.

Лена пересчитала. Их было столько, сколько значилось в договоре. Только в долларах. И еще какие-то копейки. «А, это за вычетом штрафа», – поняла она.

«Я не буду ей больше перечить. За такие деньги... Куплю Поленьке новые брюки, куртку и возьму билеты в театр, в Большой! Отметим мой день рождения там, вот девчонки порадуются!»

Сначала цены билетов в Большом показались ей непомерными, запредельно высокими... Она долго стояла у кассы, высчитывая, что получится, если эту цену перевести в долларовое исчисление и сопоставить с полученным авансом... Оперу они вполне могли себе позволить. На всякий случай решила посоветоваться с подругами.

– «Пиковая дама»? Не мрачно для дня рождения? – с сомнением спросила Ирина. – Может, лучше пойдем на балет?

– На балет билеты стоят в два раза больше, – честно при-

зналась Лена.

Так бы сразу и сказала. Я так думаю, в Большой можно идти на любой спектакль. А если в буфете выпить шампанского...

– Чайковский? Годится, хоть в театре отдохнуть душой, – одобрила выбор Тина. – Только ты не очень размахивайся с деньгами. Буфет за мной.

Глава 9

В фойе подруги с удовольствием оглядывались:

– Подумать только, сколько народу! – удивлялась Ирина.

– А ты думала, все такие нищие, как мы? – хмыкнула Тина.

– Ну, тебе-то грех жаловаться! Кстати, кто-то обещал угощение?

– Пойдем-пойдем, девочки. У меня на все денег хватит, – засуетилась Лена.

– Не спеши, Ленка! Ир, иди займи очередь и вот – возьми деньги, бери, чего душа требует. А ты, – Тина засунула в сумку подруги смятые бумажки, – побереги свои денежки. Кто знает, долго ли ты на этой работе продержишься.

– Думаешь, выгонят?

– Не успеют – сама сбежишь, – уверенно бросила Тина.

– Это почему же? – с усмешкой спросила Лена, но в это время услышала оклик:

– Лена, Мальцева!

Она обернулась. Перед ней стояла похожая на иностранку, загорелая, стройная женщина.

– Не узнаешь?

– Батюшки, Вероника! – кинулась ей на шею Елена.

– Здравствуй, красавица!

– Ты давно в Москве?

– Нет, всего три дня, завтра улетаю домой.

– В Германию?

– В Южную Америку, – коротко ответила подруга.

– Как же это, вы ведь жили в Берлине? Кстати, как там сейчас?

– Не знаю, мы выехали из страны вскоре после падения Берлинской стены.

– Что, были какие-нибудь репрессии? – испуганно спросила Елена.

– Напрямую – нет. Но ты же знаешь, отец Фрица был убежденным коммунистом.

– Почему «был»?

– Он умер, покончил собой после всех этих перемен... Уж слишком все неожиданно произошло, слишком быстро наши покинули Германию. Вольно или невольно, наши подставили многих немецких товарищей. В общем, Фриц не захотел оставаться в Германии.

– Но почему Южная Америка? – невольно заволновалась Лена. – Это ведь так далеко!

– Далеко от чего? – усмехнулась Вероника. – На самом деле наша планета не такая уж большая, на ней не так много мест, где хотелось бы жить.

– А в Россию... В России вы не хотели бы жить?

– В этой бредухе?

– Понятно... А чем вы занимаетесь?

– Работаем в издательстве. Платят немного, но нам хвата-

ет. Мы с Фрицем вступили в компартию, работаем по убеждению, по призванию.

– Работать по призванию сейчас большая роскошь, – вступила в разговор Тина.

Вероника обернулась к ней.

– Простите, мы знакомы? – отстранено посмотрела на Тину Вероника.

– Это же Тина, Тина Геворкян из нашей группы, – подсказала Лена.

– О, никогда бы тебя не узнала: ты очень изменилась, – не скрывая удивления, воскликнула Вероника.

– Постарела? – ухмыльнулась Тина.

– Нет, нет, конечно, – поторопилась успокоить ее Вероника. – Просто никак не ожидала увидеть тебя блондинкой. Что за напасть, кого ни встречу – все перекрасились: кто в рыжий цвет, кто в платиновые блондинки...

– У моей приемной дочери светлые волосы. Надоело отвечать, почему мы так непохожи, – отрезала Тина.

– Понятно, извини, – Вероника слегка покраснела.

«Ну, не любят они друг друга! Столько лет прошло, столько всего произошло, сами как изменились, а в отношениях друг к другу все те же!» – с досадой подумала Лена.

– Ну что, девушки, рада была с вами повидаться. Лен, возьми мой телефон. – Вероника подала визитку. – Будет время, приезжай. С мужем, дочкой... А я пойду к своим: я здесь с чилийскими ребятами.

Лена не удержалась и снова обняла ее, на ухо шепнула: не забывай!

– Не забуду, и Фриц о тебе часто вспоминает, почему-то тревожится: как тебе здесь живется... Позвони, слышишь! У тебя есть мобильный? – увидев растерянное лицо подружки, торопливо добавила: Нет, я сама тебе буду звонить, а ты мне напиши, адрес там же, на визитке. – Вероника обняла и поцеловала ее крепко, по-мужски.

– Долго вас ждать? – послышался гневный голос Ирины. – Могли бы и помочь девушке. Я сто раз бегала туда-сюда, то с шампанским, то с закуской. Пойдемте скорее, надо еще кофе забрать!

Усевшись на свое место, Ирина благостно воскликнула:

– Красота-то какая! Сто лет не была в театре, а тут партер, Чайковский, «Пиковая дама».

– Тебе же вроде не очень хотелось на этот спектакль, – рассеянно произнесла Лена: она все еще думала о неожиданной встрече с Вероникой.

– Я не хотела?! Чтоб ты знала, Чайковский – мой любимый композитор.

Ирина прошлась глазами по ярусам, остановилась взглядом на директорской ложе.

– Интер-р-р-е-сно, кто сейчас занимает эти почетные места?

– Какие-нибудь вип-персоны, из нефтяников или братков. Тебе-то не все равно? – сдерживая зевок, отмахнулась Тина.

Несмотря на одинаковое количество выпитого, алкоголь подействовал на подруг прямо в противоположных направлениях: у Ирины все окружающее вызывало восторг, у Тины – непонятное раздражение. Лена же после встречи с Вероникой пребывала в растроганном состоянии. Она чувствовала, что больше никогда не повидается с ней. От этого на душе было так грустно...

«Как жаль, что время разводит друзей, хоть бы нам с девчонками не расстаться!». Она хотела поделиться своими мыслями с подругами, но в это время Ира толкнула ее в бок. – Смотри-смотри, кто-то заходит в «царскую ложу»!

Вип-персоны появились в ложе ровно за три секунды до того, как погасла большая люстра, но света сцены хватило, чтобы во всех подробностях разглядеть важных зрителей. Их было четверо, все в строгих черных костюмах с галстуками, белоснежные сорочки. Вот только физиономии этих господ плоховато вписывались в общий антураж.

В течение первого акта Лена невольно посматривала на них: Ира не давала ей покоя своими замечаниями.

– Нет, ты подумай! Зачем они только в театр пришли!
– Действительно, сидят как истуканы, – согласилась Елена. – Ни на одну арию не откликнулись, ни на одну сцену, даже ни разу не аплодировали. Тин, ты только посмотри на их каменные физиономии, – обратилась она к подруге и обнаружила, что та преспокойненько спит. Лена удивленно взглянула на Ирину.

– Пускай подремлет, – закивала головой подруга. – Она работает за троих, носится колбасой, пусть хоть здесь спокойно отдохнет. Под Чайковского знаешь какой здоровый сон...

– Девушки, вы не могли бы говорить потише, вы мешаете слушать, – одернула их сидящая впереди дама.

– Извините, пожалуйста, – прикрыла рот ладошкой Лена.

Спектакль шел своим чередом, дошли до трагической сцены: Герман вынимает пистолет, наставляет на хозяйку. Страшный взгляд княгини, ее жуткий возглас, вот она рухнула в кресло. Из директорской ложи послышались аплодисменты. Подхватившие их зрители с любопытством повернули головы в их сторону.

– Нарочно не придумалась: «Крестный отец» отдыхает! Тин, ты видишь? – кивнула она головой на молодчиков.

Пробудившаяся от сладкого сна подруга быстро оценила ситуацию:

– Очередной перл черного юмора.

«Совсем молодые ребята, моложе нас. Чувствуют себя хозяевами жизни, а на самом деле марионетки в чьей-то игре. Как сейчас говорят – живое мясо!»

Елене вдруг стало отчетливо ясно: век этих и подобных им ребят совсем недолог. – «Таких, как они, скоро не будет, их уже нет... – Почему они этого не понимают?» – Елена смотрела на вип-персон с невольной жалостью. Один из парней был очень похож на ее приятеля, водителя троллейбуса,

мечтавшего стать художником. Интересно, где он сейчас, что с ним?

Глава 10

Сергей с трудом разлепил глаза. Голова гудела, комнату пошатывало. «Скоро на работу», – озабоченно подумал он и тут же ухмыльнулся. Пошарил рукой под кроватью.

«Вот она заветная!» – он жадными глотками допил водку прямо из бутылки. В голове немного прояснилось: «Работа! Выбивать долги»...

Сергей прилег на подушку, прикрыл глаза и снова очутился там, в Чечне.

В вертолете сидело девять человек, все в маскировочных комбинезонах, чумазые, усталые. Сегодня им здорово досталось, надо было вывести раненых с поля боя. Летчик молодчина – как сел, как поднялся, как увертывался от снарядов гранатометчиков! До сих пор не верится, что вырвались из той заварушки. Ребята пытались расслабиться, веселили себя как могли: хохмили, травили черные анекдоты. Жесткие лавки вертолета казались им удобнее любого кресла. До заставы оставалось не больше 15 минут лету, они начали дремать. Вдруг что-то жутко ухнуло, вертолет подбросило вверх, закрутило. Ребят побросало кого куда.

Машина падала медленно, летчик изо всех сил старался выправить положение, но куда там! За несколько секунд падения перед глазами прошла вся жизнь: дом, мать, родные, друзья – живые и погибшие. Вспомнилось вдруг, что

так и не обзавелся своей семьей, даже невесты нет! Тогда еще успел подумать: оно и к лучшему, не останется сирот, не будет лить горькие слеза вдова. Он попрощался с жизнью с легким сердцем... Оказывается, поторопился.

Сергей и еще два парня остались в живых, они жалели об этом тысячи раз. Как они завидовали тем, кто погиб сразу!

Вспомнив своих мучителей, Сергей скрипнул зубами: «Ненавижу»!..

Их посадили в темную глубокую яму, еды не давали. Охранники говорили на непонятном языке, чеченская речь вперемешку с русским слышалась редко. Вместо питья раз в день спускали грязную вонючую жижу, два дня они не при-трагивались к ней, а потом...

Несколько раз они пытались бежать. Каждый раз их ловили и избивали до полусмерти. Один из товарищей, Тимур, после побоев скончался. Его даже не вынули из ямы:

«Скоро и вы сохнете», – смеялись бойцы.

В ту же ночь караульному захотелось потешиться, видать, наркоты наглотался, сволота. Бросал в яму камни, несколько раз помочился туда, выкрикивал ругательства. Пленники молчали.

«Эй, вы, шакалы, сохли, нет?» – ваххабит посветил фонариком, ребята притворились мертвыми. Чтобы видеть лучше, охранник вытянул руку, наклонился... Он не успел даже пикнуть.

Одному богу известно, как им хватило сил отползти от ла-

геря. Утром их, наверно, нашли бы и прикончили. Но им опять повезло: на рассвете на них напоролась разведгруппа.

Сначала их лечили в госпитале, в Назрани. Друга не вытянули, через два дня тот скончался. Одна радость, что умер среди своих, похоронят, как следует, у себя на родине. Через две недели Сергея отправили в Москву долечиваться.

А потом – черед скитаний, унижений: с его группой инвалидности на работу не брали. Спасибо, встретил своего друга, еще с первой чеченской. Он его и пристроил на «работу». Оказалось, в группе еще двое ребят с Чечни. Вообще в бригаде все ребята отчаянные, пуль не боялись. А чего бояться, когда жизнь хуже смерти. Когда совсем на душе становилось черно, просил отгул, напивался до потери памяти. В последнее время работа стала почище. Вчера охраняли бригадира, он встречался с папиком в театре.

«Тоже мне, нашли место! Видно, папик и впрямь высоко летает: восседал в Царской ложе, как какой-нибудь генерал-губернатор. Судя по всему, выдал новое задание: бригадир велел собраться полным составом».

Сергей стал неторопливо одеваться.

«Уехать бы отсюда куда подальше, – с тоской думал он, – да куда? Страна большая, а деваться некуда – везде одно и то же».

Глава 11

К новой работе, хоть и не без труда, Елена привыкла. Из детской выходила только в случае крайней необходимости. Брюзжания хозяйки старалась не замечать. Хозяина, к великому счастью, она больше так и не видела, зато на малыша не могла нарадоваться. За те несколько недель, что она проработала в доме, ребенок заметно окреп, порозовел. Кушал всегда с удовольствием, не капризничал, а уж как улыбался!

Согласно расписанию в десять утра – прогулка на свежем воздухе. По настоянию Раисы Геннадиевны мальчика укладывали в коляску в доме: каждый раз она самолично проверяла экипировку. После высочайшего одобрения выходили на улицу. Лена обожала прогулки с малышом. Как правило, он засыпал через десять-пятнадцать минут гулянья. Почти два часа Елена была предоставлена себе. Можно было вдоволь любоваться высоким ясным небом, пестрым нарядом деревьев и кустов. Парковая зона, примыкающая к дому, почти всегда была безлюдной: можно было подумать, помечтать. Одно нехорошо – спуск с высокого крыльца. Как ни мало весил малыш, вместе с навороченной коляской груз был ощутимый, боль в пояснице все чаще давала о себе знать.

Выйдя в положенное время на прогулку, Елена обрадовалась: у машины со скучающим видом стоял Аркадий, шофер

Валерия. «Парень здоровый, ему пронести вниз коляску – раз плюнуть».

Услышав просьбу нянечки, парень так изумился, что с минуту стоял с открытым ртом. В таком состоянии его застала Раиса Геннадиевна.

– В чем дело? – недовольно спросила она. – Почему вы еще не у машины?

– Я попросила Аркадия помочь спустить колясочку, – стала объяснять Елена.

– В мои обязанности это не входит, – угрюмо бросил шофер.

– Разумеется, это обязанность нянечки, если вы не в состоянии выполнять свою работу...

– Это впервые, – попыталась оправдаться Елена. – Просто сегодня...

– Вы опять оговариваетесь?! Скажите бухгалтеру, чтобы он высчитал из вашей зарплаты пятнадцать процентов. Я предупреждала, что не потерплю в доме нерадивой прислуги.

В это время из дверей появился Валерий.

– Ну и нянечку мы взяли! Ты представляешь... – кинулась к нему Раиса.

– Не грузи меня бабскими проблемами. Пойдем, я спешу.

Раиса Геннадиевна поспешила за мужем, до Лены донеслись ее слова:

– До чего ленивы наши люди! Стоит ли удивляться, что

у нас столько бедных!

Вздыхнув, Лена взялась за металлическую ручку коляски, преодолевая боль, быстро спустилась с лестницы. Ощупала свои карманы: слава богу, таблетки на месте. Заглотив сразу две, двинулась в сторону любимой аллеи.

Возвращаясь с работы, Елена зашла в аптеку, купила тюбик фастум геля. Дома все спали. Натерев изо всех сил спину, Лена закуталась в шерстяной шарф, взяла свою любимую книгу, придвинула к торшеру кресло, но сесть не успела: зазвонил телефон. «Кто бы это был в такое позднее время?» – удивилась Лена.

– Узнаешь? – раздался в трубке голос Валерия.

– Валерий Семенович...

– Ну зачем так официально. Мне надо с тобой поговорить.

– Я не могу сейчас выйти из дома.

– Если позволишь, я поднимусь к тебе. Мне действительно очень надо поговорить с тобой.

– Хорошо, зайдите, только ненадолго.

Снимать шарф с поясницы Лена не стала, надела поверх него просторное платье. Увидев в зеркале округлившуюся фигуру, усмехнулась: плевать!

Приняв из рук гостя пальто, Лена тихо сказала:

– Извините, в комнату не приглашаю, у нас давно все спят.

Пройдемте на кухню.

– Вот и ладно. Чаем напоишь? – порывшись в необъятных размеров портфеле, достал коробку конфет. Елена включила

чайник, молча расставила чашки. Валерий поймал ее руку:

– Сядь, Лен.

– Зачем вы пришли? У вас претензии к моей работе? – спокойно спросила она.

– Ну что ты в самом деле? Ты ведь умная женщина: знаешь, для чего я пришел. До Райкиных истерик мне дела нет: бесится баба от безделья. Я пришел к тебе, потому что никогда не забывал тебя, не чаял с тобой встретиться, и вдруг такая удача...

– Мне кажется, вам лучше уйти, – не глядя на него, ответила Елена.

– Не гони меня, Елена, не гони. Никто не виноват, что жизнь развела нас в разные стороны. На самом деле мы с тобой в одном положении: ты, я знаю, разведена, я... Если бы ты знала, как я одинок!

Увидев на лице хозяйки недоверчивую улыбку, покачал головой:

– Не веришь? А мне иногда волком хочется выть от тоски. Ни одной живой души рядом.

– А жена?

– Райка, вернее, ее отец – три четверти капитала в моем бизнесе. Ссориться с ней себе дороже: заберет свою долю, и я босяк.

– Так уж и босяк! – усмехнулась Елена.

– Натурально! Не могу же я жить так, как окружающее быдло: жрать их пойло, смотреть дебилские передачи, ез-

дить на третьесортных тачках. Что ты на меня так смотришь? Презираешь? Я и сам себя порой презираю, но никогда не покину свой круг, ни-ког-да!

– Чего же ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты снова вошла в мою жизнь.

– Как ты себе это представляешь? – с любопытством уставилась на него Лена.

– Все очень просто. Завтра же ты уйдешь с работы.

– А на что же мне жить?

– Я обеспечу вас с дочкой. Вы ни в чем не будете нуждаться. А для начала мы отдохнем. Поедем, куда захочешь. Если бы ты знала, какие возможности открываются с нормальными деньгами!

– Ты предлагаешь мне стать твоей любовницей?

– Елена... – устало прикрыл глаза Валерий. – Говорю же тебе: мне нужен близкий человек, родная душа. Какими именно будут наши отношения, зависит только от тебя, от твоего желанья. Я знаю, ты – чистая, порядочная женщина. И ведь ты свободна?..

Упреждая ее протест, Валерий поднялся и торопливо произнес:

– Не отвечай мне сегодня ничего и ничего не говори. Спасибо тебе за то, что выслушала, не прогнала. Сейчас я уйду, а ты подумай. Обещай мне хотя бы это!

Не дожидаясь ответа Елены, он поцеловал ей руку и покинул квартиру.

Проводив незваного гостя, Елена с тревогой посмотрела на часы: «Половина первого, а мне вставать чуть свет!».

Тут же вспомнила, что следующий день у нее выходной: «Вот оно счастье! Можно еще и почитать, завтра ото-сплюсь!».

Глава 12

Выспаться у Елены не получилось – чуть свет заявила Ирина. Впрочем, причина у подруги была уважительная: накануне она получила уведомление об увольнении с работы. Факт, что подобное извещение получило подавляющее большинство сотрудников, ее никак не утешал.

Выставив на стол коробку с тортом и бутылку, коротко пояснила: «Лучшее лекарство в такой ситуации».

Елена ужасно переживала за подругу. Не находя слов утешения, послушно пила разбавленный чаем коньяк, ела приторно сладкий торт, изредка поддакивала. Часа через два Ирина немного успокоилась. Слегка пошатываясь, подошла к зеркалу, внимательно взгляделась в свое отражение:

– Слушай, может, мне в проститутки податься? Или уже стара для такого дела, как думаешь?

– Не знаю, не знаю, – рассеянно произнесла Лена. От «лечебного» чая и жирного крема ее немного подташнивало, хотелось плакать и спать.

– Между прочим, в газетных объявлениях приглашаются «девушки до шестидесяти», так что у меня есть все шансы сделать карьеру на этом благородном поприще. Только клиентов буду выбирать сама! – Ирина ткнула себе в грудь указательным пальцем. – Пойду либо с юнцом до двадцати пяти, либо с мужичком после шестидесяти.

– Почему же так? – искренне заинтересовалась Елена.

– Потому что наших сверстников я презираю. Пре-зи-ра-ю, – раздельно повторила подруга и передернулась. – Гадость какая!

«Видно и ей „лекарство“ не пошло на пользу», – машинально отметила Елена.

– Просрать такую страну! – Ирина громко икнула. – Пардон...

Залпом выпив чашку холодной воды из-под крана, подруга продолжила с той же горячностью:

– Это ведь они, мужики среднего возраста, должны были взять на себя ответственность за то, что происходит вокруг. Для этого у них были все возможности: энергия, здоровье, хорошее образование, сила, желание... Впрочем, нет, желающих взять на себя ответственность за страну особо не отмечалось. С энергией и силой, пожалуй, тоже погорячилась... Все растрачено на себя любимых: водка, футбол с хоккеем, телевизор, бесполезная болтовня... Ох, посмотреть бы в глаза тому, кто кинул клич: мужиков надо беречь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.